

УДК 316.6 + 17.02

Александр Сергеевич Лапте́нок*д-р филос. наук, доц., проректор по учебной работе
Академии управления при Президенте Республики Беларусь***Alexandr Laptenok***Doctor of Philosophy, Associate Professor, Vice Rector for Academic Affairs
of Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus
e-mail: laptenok_as@pac.by***СОЦИУМ. МОРАЛЬ. ЛИЧНОСТЬ**

Поднимается вопрос о противоречивом влиянии социокультурных факторов на нравственное развитие личности, наделении современным человеком некоторых феноменов культуры и морали иллюзорным содержанием, что превращает жизненную драму в игру.

Society. Moral. Personality

The article raises the question of the contradictory influence of sociocultural factors on the moral development of the individual, the giving of modern man some phenomena of culture and morality illusory content, which turns the life drama into a game.

Изменяющиеся социокультурные условия функционирования различных элементов социальной системы актуализируют внимание к их сущностным характеристикам. В духовной культуре, находящейся в постоянном развитии, в разное историческое время в своем функциональном назначении выделяются те или иные феномены, приоритетные для данной социальной ситуации и отражающие конкретные социальные потребности. Соответственно, меняются основания взаимодействия личности и общества, сочетания общественных и личных интересов. Это в полной степени относится и к функционированию морали. Существуют устоявшиеся представления о сущностном назначении морали. В течение длительного исторического времени приоритетной выступала регулятивная функция морали. Поэтому сущность морали сводилась к необходимости приведения поведения индивида в соответствие с существующей системой ценностей и норм, которая является изменчивой и конкретно-исторической и не всегда соответствует гуманистическим тенденциям развития общества.

Специфика современной социокультурной ситуации определяется ценностной неопределенностью. Многообразие «моральных миров» обуславливается особенностями культуры конкретных регионов и народов. Однако в них присутствует определенное инвариантное, универсальное содержание. Именно данная универсальность мо-

рали переформатирует представления о ее сущностном назначении. По нашему мнению, мораль представляет собой ценностную форму культуры, придающую самоценное значение каждой человеческой личности, особый способ духовно-практического освоения мира, в результате которого формируются универсальные требования [1, с. 715].

Устоявшиеся стереотипы, характеризующие сущность морали, уходящие своими корнями в традиционную культуру, не способствуют изменениям воспитательной практики. Консерватизм морального сознания не успевает за радикальными цивилизационными изменениями, суть которых состоит в переходе к диалоговой культуре. Условия социализации личности определяются прежде всего открытостью социокультурного пространства, что разрушает фундаментальные основы традиционной воспитательной практики. В традиционной культуре роль родителей, учителей, воспитателей в передаче социального и нравственного опыта была исключительно важной, т. к. ограниченная социальная мобильность, отсутствие альтернативных источников информации делали устойчивыми паттерны поведения, культивируемые всеми значимыми взрослыми. Снижение их роли и авторитетности в глазах воспитанников в современном социуме связано не только с изменениями содержания воспитательной деятельности, но, скорее всего, с появлением

возможности выбора множества самых разнообразных паттернов поведения. Другое дело, что многие воспитатели не осознают эти перемены. То, что было эффективным ранее, сегодня теряет свою силу. Тем не менее обозначенные стереотипы до нынешнего дня в значительной степени определяют воспитательную практику.

Еще одно положение в массовом сознании приобретает форму устойчивого стереотипа. Все чаще не только в СМИ, но и в научных публикациях можно встретить утверждения о решающей роли биологических, в особенности генетических, факторов в становлении и развитии личности. Более того, в рамках социобиологии утверждается, что мораль предстает таким же элементом эволюции, как все части биологического организма человека, например, рука или желчный пузырь. Характеризуя такое эволюционное происхождение моральных феноменов, подводится основание обоснования универсальности морали. Эта универсальность – в общей биологии человека. Один из основателей социобиологии, Ричард Докинз, в связи с этим утверждает: «Если, подобно сексуальному влечению, наше моральное чувство действительно зародилось в процессе эволюции еще до появления религии, следует ожидать, что в ходе изучения человеческого сознания обнаружатся определенные общечеловеческие нравственные ценности, преодолевающие географические, культурные и, что очень важно, религиозные барьеры» [2, с. 283].

Несомненно, нельзя отрицать значимую роль генетической предрасположенности деятельности индивида. Существуют устойчивые личностные образования, которые напрямую связаны со спецификой темперамента, генетической наследственности. Однако еще И. Кант писал о том, что, исходя из требований морали, индивид может изменить свою природу. Мораль, по мнению философа, не базируется на природной склонности человека, который реализует себя по законам свободы. Личность «есть нечто возвышенное, поскольку она устанавливает моральный закон и только поэтому ему подчиняется» [3, с. 218].

Если нет собственных усилий индивида по выстраиванию своего нравственного мира, мы выходим из логики морали. Если мораль «вырастает» из природы человека

или меняется под воздействием каких-либо препаратов (психотропных или медикаментозных), то в таком случае исчезает фундаментальная основа морали, заключающаяся в возможности совершения выбора. О возможной принудительной моральности писал Ф. М. Достоевский: «Предположится наукой найденный муравейник. Потребуется лишения, условия, ограничения личности. Для чего я стану ее ограничивать. Для хлеба. Не хочу хлеба, и взбунтуется. И еще долго пройдет, когда встанет человек... *Я хочу не такого общества научного... где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам*» [4, с. 162].

Кроме того, апелляция к природе человека не объясняет многообразия ценностных ориентаций. В этом же ряду популярные в СМИ и ссылки на астрологические прогнозы судьбы (и, соответственно, моральности) человека. Гороскопы – на мониторах в общественном транспорте, на популярных сайтах и т. п. По сути своей такие ссылки содержат явный моральный изъян: у индивида появляется возможность «снятия» части своей моральной ответственности, перекладывания ее на некие анонимные силы, складывающиеся под влиянием положения планет или каких-либо иных факторов. Если нечто дано изначально, то в какой степени индивид несет ответственности за это? Массовое сознание испытывает потребность в простых ответах на сложные вопросы. Чем проще схема, тем меньше рефлексии и необходимости совершения выбора, который иногда бывает мучительным.

Становление и развитие нравственного сознания – это бесконечный процесс задавания вопросов и поисков различных вариантов ответов на них. Отказ от них или констатация «нет ответа» или «все решено» означает отказ от собственно человеческого способа бытия. Человеческая жизнь – это один большой вопрос, как стекло, распадающееся на множество мелких осколков. И каждый миг бытия – это мозаика из этих осколков. Человек или выбирает, или его нет, писал Ж.-П. Сартр: «Выбирая себя, я создаю всеобщее» [5, 337].

Во многом от сущностного понимания морали зависит постановка целей и задач воспитательной практики. Если приоритетными выступают ценности социаль-

ной морали [6], то в значительной степени речь идет о приведении поведения индивида в соответствие с ее нормами. Как правило, их функционирование детерминруется интересами и приоритетами конкретных социальных групп, чаще всего занимающими господствующее положение в социуме на конкретном этапе его развития. Очевидно то, что паттерны одних групп могут вступать в противоречие с другими, что провоцирует возможность появления конфронтации или, по крайней мере, определенных противоречий как на межгрупповом, так и на межличностном уровне. Кроме того, социальная обусловленность содержания морали изначально предполагает ее редукцию к неморальным целям. Соответственно, моральным объявляется все то, что способствует реализации политических, религиозных, национальных и иных целей. Далеко не всегда эти цели соответствуют гуманистическим ценностям. В таком случае моральное вступает в противоречие с социальным. История человеческого общества полна примеров противостояния со стороны индивидуума существующим и всяческим образом пропагандируемым социальным нормам, имеющим антигуманный характер. Ранее [7] сущность морального раскрывалась путем анализа положения человека в экстремальной ситуации, когда в предельной форме выявляются сущностные характеристики морали. Такого рода ситуации четко показывают то, что система моральных норм социума не может выполнять своей регулирующей роли. Более того, в ряде случаев, чтобы остаться в поле моральных ценностей, индивид вынужден поступать вопреки культивируемым нормам. Широко известен пример из давнего исследования Л. Колберга [8], когда респонденту предлагается оценить жизненную ситуацию с кражей мужчиной с невысоким доходом из аптеки дорогостоящего лекарства для спасения больной жены. Большинство опрошенных оправдали данное деяние в силу абсолютной ценности человеческой жизни по сравнению с моральным (и уголовным) преступлением.

Таким образом, становление индивида как морального субъекта (моральная социализация) сопряжена с социальным, однако имеет свои особенности, далеко не всегда вписывающиеся в общую логику, и

не имеет универсальных закономерностей. Более того, вероятно, можно утверждать об индивидуальной траектории моральной социализации индивида. На индивидуализацию такого процесса влияют биопсихологические особенности индивида, специфика семейного воспитания, межличностного взаимодействия с ближайшим окружением, учреждений образования.

В условиях открытого информационного пространства возникают возможности для морально автономной личности выстраивания своей индивидуальной жизненной стратегии. При благоприятных факторах семейного воспитания, системы образования совершение личностных выборов идет в соответствии с собственным произволением. Это способствует, во-первых, нивелированию роли регулятивного воздействия норм традиционной морали. Многообразие выбора совершенно разных паттернов поведения создает предпосылки для понимания моральным субъектом их необязательности, либо признания их фактического отсутствия по причине их множественности обоснований в разных культурах их легитимности. Во-вторых, в условиях демократизации культурной и моральной сферы во многих странах осуществляется политика неприемлемости различных форм дискриминации и защиты прав тех социальных групп, чьи нормы взаимоотношений в традиционном обществе отвергались. Однако по причине обостренного внимания со стороны общественного мнения к процессам, трансформирующим или даже ломающим ценности традиционного уклада жизни, происходит некоторая гипертрофированная «защита» прав меньшинства такого рода. Соответственно, может сложиться впечатление о намеренном культивировании со стороны СМИ соответствующих ценностей.

В процессе личностного развития большое значение имеет обретение нравственной автономии, которая понимается нами как способность индивида к творению своей собственной жизни, заключающемуся в совершении свободного выбора и осознании личной ответственности за него.

Социокультурная динамика сегодня порождает принципиально иные, чем ранее, условия жизнедеятельности людей. С одной стороны, появляются новые возможности, связанные с современными технологиями,

которые в значительной степени облегчают жизнь человека, освобождают его от выполнения рутинных операций, обогащают большим количеством свободного времени, что может способствовать появлению новых возможностей для развития личности. С другой стороны, они же порождают и определенные противоречия, требующего своего разрешения. Прежде всего это связано с тем, каким образом молодой человек распорядится представившимися возможностями.

В современной культуре проявляется множество противоречивых тенденций, оказывающих неоднозначное влияние на формирующуюся личность. Во-первых, в ней представлены многообразные возможности для выбора самых разнообразных паттернов поведения, часть из которых может быть связана с ближайшим окружением, но в значительно большем количестве извлекается из медийного пространства, включающего СМИ, телевидение и, конечно же, Интернет. В условиях легкой доступности информации уже с самого раннего возраста ребенок имеет возможность наблюдать и слышать комментарии взрослых в отношении того, что они получают в виде продукта массовой культуры.

Во-вторых, в условиях развития различных коммуникационных средств чрезвычайно возрастают возможности манипуляции массовым сознанием. Собственно говоря, образцы манипуляторной деятельности присутствовали и ранее, но в современной культуре они приобретают тотальный характер. При этом используются самые современные технологии воздействия, во многом работающие на подсознательном уровне, например, НЛП и др. Это реклама, навязывание стереотипов моды, гламура, пропаганда вызывающей роскоши, образцов «красивой жизни» и т. п.

В результате вырабатываемые таким образом иллюзорные представления вступают в противоречие с реальной действительностью. В качестве альтернатив разрешения этого противоречия наблюдается, во-первых, примирение с действительностью, которое может принимать разные формы: от примитивного бездумного воспроизводства привычных действий, позволяющих «плыть по течению», до попыток выстроить свою жизненную стратегию в рамках предоставляемых возможностей в соответствии с соб-

ственными целями и приоритетами. Во-вторых, проявляются различные формы неприятия существующей действительности: алкоголь, наркотики, криминал, эмиграция, уход в оппозицию, либо, напротив, в частную жизнь, инфантилизм, эскапизм.

Культивирование глянцевыми журналами, телевидением гламурного образа жизни, постоянно публикуемые рейтинги состоятельных людей с описанием роскоши их дворцов и яхт, смакование скандальных эпизодов частной жизни представителей шоу-бизнеса, бесконечные ток-шоу, сопрягаясь с юношеским максимализмом, с его стремлением иметь все сразу и много, порождает серьезные противоречия в процессе самоидентификации, осознания своего назначения и места в этом мире. Одно из главных следствий такого широкомасштабного наполнения социокультурного пространства продуктами массовой культуры характеризуется столкновением, говоря словами Э. Фромма, модусов бытия и модусов обладания. С одной стороны, общество потребления стимулирует все новые и новые приобретения, формируя понимание конечности бытия вещей и необходимости постоянной их смены: все покупается на какое-то определенное время использования, потом продается или выбрасывается для покупки новой, более совершенной модели телефона, телевизора, автомобиля и т. д. С другой стороны, в индивидуальном сознании четко формируются представления о «временности», релятивности: «нет ничего вечного под луной». И если в характеристике вещного мира такие суждения вполне приемлемы (кто теперь хочет покупать что-то «на всю жизнь»?), то в случае распространения их на область человеческих отношений происходит релятивизация ценностей как таковых. В этом случае бытие человека приобретает состязательный, фактически игровой характер: один может хвастаться новой моделью смартфона, второй – количеством побед на любовном фронте и т. п. Превалирование принципа обладания над принципом бытия формирует превращенные формы сознания, скрывая за иллюзией реальный смысл явлений и отношений. Поступать в вуз для получения диплома («корочек»), карьера ради того «кресла, которое красит» человека и может служить источником дополнительных благ и т. п. Модус

обладания может распространяться и на межличностные отношения, порождая «симулякры» дружбы, товарищества, любви.

С этим же связана идея «приобщения» к культуре, которая становится неадекватной регулятивной силой, вызывая у растущего индивида неприятие, а в ряде случаев и отвращение в результате коллективных культпоходов в театр, на балет, вместо того, чтобы возвращать начала культурных основ, формируя понимание искусства и потребность в нем. Если эта потребность будет сформирована, отпадет и необходимость в организации таких «мероприятий». Но зато это проявление еще одной иллюзии: в результате культпохода какое-то количество учащихся «приобщилось» к культуре. Соответственно, внешнее превалирует над внутренним, подрывая понимание сущности многих духовных ценностей. Если человек, называя себя верующим, основной смысл веры видит в посещении церкви и выполнении обрядов, но в повседневной действительности отнюдь не утруждает себя реализацией заповедей, то можно ли его считать действительно верующим? Если патриотизм некоторые люди видят в яркости лозунгов и громкости призывов, при этом отправляя своих детей учиться за границу, можно ли их назвать патриотами?

Даже такие ценности, которые по определению должны обладать статусом подлинности, в результате трансформации сознания, теряют свою безусловность. Здоровье – да, по всем опросам – ценность, но для многих получить удовольствие здесь и сейчас гораздо важнее, нежели думать о возможных последствиях употребления алкоголя, наркотиков. Работа – да, но только такая, которая сразу же ассоциируется с приличной должностью и высокой зарплатой. Семья – да, но только до появления первых трудностей, легче «разбежаться», нежели проявлять усилия по ее сохранению [9].

Конечно же, к разряду худших проявлений иллюзорного сознания предстает ложь самому себе, которая также может иметь разные свои формы: во-первых, включение механизмов рационализации в случае оправдания своих действий ссылкой на внешние обстоятельства, которые (они и только они) помешали реализации благих намерений. Во-вторых, проявления разной степени конформизма, худший из которых состоит

в полном понимании моральной ущербности определенных поступков, которые, несмотря на внутреннее несогласие, совершаются. Так и в молодежной среде игра принимается: мы будем давать социально ожидаемые ответы на ваши вопросы (см. выше о здоровье, работе, семье) и обеспечивать массовость в различного рода мероприятиях, но собственное понимание происходящего демонстрировать не стоит.

Релятивизация норм культуры и морали составляет еще один аспект «жизненной» игры, когда сама мораль признается вероятностной и по сути трансформируется только лишь в одно из средств либо самооправдания, либо социальной мимикрии. Если отрицание нормы становится нормой, то отпадает необходимость в самой морали. Толерантность оправданно рассматривается как краеугольный камень и одновременно как значимый показатель любой культуры. Но толерантность также имеет свои границы, преступление которых характеризует переход к противоречащим морали поступкам. Нельзя быть толерантным к преступнику, педофилу и другим подобным субъектам. Толерантность становится действующим принципом взаимодействия между людьми, если она основывается на взаимоуважении. Когда масса мигрантов, приезжая в Европу, не хочет принимать существующие устои социума и, напротив, под лозунгами мультикультурализма и толерантности предлагает альтернативы европейским ценностям, то этот процесс односторонний, не учитывающий интересы других. В противовес этому, толерантность включает в себя то, что можно назвать «презумпцией моральности»: вступая во взаимоотношения с другим человеком, я предполагаю, что он обладает таким же чувством собственного достоинства, как и я сам, является таким же моральным субъектом, как и я сам. Дальнейшая история взаимодействия может свидетельствовать о разочаровании и отсутствии подтверждений этой моральной установки, но тем не менее в ней заложен важный смысл: не чье-то превосходство, не навязывание позиции, а отношения взаимоуважения и признание значимости Другого.

Концептуально «мораль как игра» оформляется в рамках постмодернизма. Плюральность жизненного мира человека приводит к отказу от идеи его целостности,

когда происходит расщепление человеческого пространства. Индивид выступает как источник морали и как ее же мерило. Моральные нормативные системы, которые в классических представлениях интегрируют общество, перестают выполнять свою роль. Сами нравственные нормы приобретают вероятностный характер. Мораль уже не связывается с возможными социальными санкциями – вознаграждением или наказанием – и в рамках традиционной интерпретации теряет смысл своего существования, что позволяет некоторым объявить о смерти морали.

По сути «игры в мораль» приводят к личностной плюралистичности, когда личность теряется в самой себе, в многообразии своих проявлений или в многообразии тех ролей, которые она играет. И, на самом деле, такие игры не совсем небезопасны, как может показаться на первый взгляд именно в силу возможности потери всяческих моральных ориентиров. Одним из глав-

ных следствий моральной дезориентации видится возможность оправдания любых деяний человека. Пожалуй, в настоящее время наиболее изощренным предстает моральное оправдание терроризма, когда убийство ни в чем не повинных людей освящается какими-то более «высокими» целями.

Необходимость диалога культур в условиях современной глобализации предполагает ориентацию на общечеловеческие моральные ценности, благодаря которым отрицаются различного рода препятствия, мешающие взаимному диалогу людей, когда исчезают сословные, политические, этнические и т. п. ограничения. Универсальность морали заключается не в наличии неких неизменных сущностей, нравственных истин или застывших схем в виде той или иной нормативной системы, но прежде всего в необходимости человеку реализовать себя в качестве человека и нравственного субъекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаптёнок, А. С. Мораль / А. С. Лаптёнок // Педагогическая энциклопедия : в 2 т. – Минск, 2016. – Т. 1. – С. 715.
2. Докинз, Р. Бог как иллюзия / Р. Докинз ; пер. с англ. Н. Смелковой. – СПб. : Азбука, 2019. – 512 с.
3. Кант, И. Основоположения метафизики нравов : пер. с нем. / И. Кант // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Чоро, 1994. – Т. 4 : Прологомены. Основоположения метафизики нравов. Метафизические начала естествознания. Критика практического разума. – С. 153–247.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30-х т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 24 : Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь – декабрь. – 1982. – 521 с.
5. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов : сборник. – М. : Политиздат, 1990. – С. 319–344.
6. Лаптёнок, А. С. Социальная этика и индивидуальная мораль / А. С. Лаптёнок // Философия и соц. науки. – 2015. – № 4. – С. 4–8.
7. Лаптёнок, А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А. С. Лаптёнок. – Минск : НИО, 1999. – 202 с.
8. Kohlberg, L. The philosophy of moral development: moral stages and the idea of justice / L. Kohlberg. – New York : Harper & Row, 1981. – 441 p.
9. Лаптёнок, А. С. Особенности нравственного воспитания учащихся в системе образования Республики Беларусь / А. С. Лаптёнок // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – № 2. – С. 3–8.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.10.2020